

Отец, его затянувшийся конец войны и его «дранге нах остен» или о коллапсе¹ Третьего рейха

(Из книги „Поезд отправляется“

www.literatur-viktor-prieb.de)

Между Сциллой и Харибдой или о последней задаче немца

Когда Красная армия захватила их семьи в Польше и «освободила» их от Сциллы к Харибде, война для мужчин вовсе еще не кончилась – для них она еще только по-настоящему началась.

Для мужчин, которые ни на какой стороне эту войну не развязывали, не пережили никаких славных побед и не совершили никаких грехов и грязных преступлений, пришло время расплачиваться за их все это развязавших, переживших и совершивших соотечественников в Третьем рейхе. Расхлебывать последствия этой войны и сначала вместе с ними пытаться сдерживать, а потом вместе с ними пытаться пережить сокрушительное, гибели целой нации и ее немецкой земли подобное поражение.

Большого выбора у них и не было – либо пасть в боях, либо после поражения быть притянутыми Сталиным как предатели к ответу. Тем более, что они как «советские граждане немецкой национальности» уже наперед были объявлены им шпионами и предателями и приговорены.

В этих безвыходных условиях Отец должен был сдержать свое, данное Матери слово, пройти сквозь Ад и вернуться к ней. И он со всем своим талантом и опытом выживания свершал и делал все для этого.

Только один раз забыл он на одно короткое мгновение свое слово и свое благоразумие и подумал после этого: «Это и все!..». И случилось это не в ходе военных действий. Это случилось в его военной школе войск ЭсЭс вблизи Пассау на Дунае.

Штыковая атака или о немецко-немецких отношениях

Из мужчин трехсотпятидесятитысячного контингента немцев из России, попавших в начале войны в зону немецкой оккупации, были сформированы во второй половине 1944-го новые войсковые части вермахта и в том числе несколько дивизий войск ЭсЭс. В одну из них и попал Отец со своими камерадами. Они должны были теперь в укороченном учебном курсе упражняться в искусстве войны, и в этом им еще повезло, поскольку некоторые другие из них были посланы сразу в бой еще против американцев в Италии, не научившись даже стрелять².

Их обучение сводилось к почти непрерывной муштре на плацу, стрельбищам, муштре, интенсивным занятиям спортом и снова муштре. Толстый фельдфебель из Баварии муштровал их.

---

¹ Здесь: внезапная смерть организма из-за недееспособности головного мозга (свободная интерпретация)

² Ingeborg Fleischhauer „Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion“ (Ингеборг Фляйшгауэр «Третий рейх и немцы в Советском Союзе»). Deutsche Verlags-Anstalt (DVA), Stuttgart, 1983 (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte; Nr. 46)

Однажды днем он гонял на плацу бегом по кругу вооруженное лишь штыками отделение Отца. Время от времени он прерывал их бег приказом «Hinlegen!»³. Приказ заставлял отделение всегда в тот момент, когда солдаты пересекали большую и грязную лужу.

На становившееся все громче недовольство в их рядах фельдфебель реагировал грубым окриком:

– Maul halten, ihr russische Schwarzmeerschweine!⁴

Может быть это был тот выживший раненый из русского леса, который тогда, в Первой мировой, чему-то подучился и оно попало ему не в то горло.

Отца однако это мало интересовало, и он больше не помнил, что на него нашло. Может быть вспомнились ему все оскорбления, унижения, преследования в его жизни, которые он должен был переносить от чужих, от врагов, от красных, от зеленых, от коммунистов и от многих других. Может быть он слишком сильно в последние годы положился на то, что он, наконец-то, вырвался из этого рабского и скотского существования и находится теперь со своими соотечественниками-собратьями среди ему равных.

Как бы там ни было, он озверел, выхватил свой штык и бросился с устрашающе перекошенным лицом и диким воплем в атаку на этого сытого, тупого и из совершенно непонятных соображений чрезвычайно самодовольного и чрезмерно высокомерного толстяка. Тот стоял внезапно беспомощный и парализованный и смотрел с побледневшим, серо-желтым лицом в глаза своей смерти.

Его смерть и пришла бы неизбежно, если бы Kameraden Отца промедлили еще хоть одну секунду. Они однако не медлили, причем делали это только ради Отца. Двое его Kameraden и друзей – кузнец из Пришиба и еще один великан из Блюменорта, которые стояли в строю рядом с Отцом – бросились ему вслед и повисли у него на плечах.

Не замечая этого, он протащил их еще пару шагов, пока они его не пересилили и не прижали своими телами к земле. Отец лежал лицом в грязи и тут же успокоился – ему стало, вдруг, так на все наплевать! Фельдфебель круто развернулся и исчез.

– Danke Kameraden!⁵ – коротко бросил Отец, вставая.

– Bedanke dich nicht zu früh,⁶ – ответили Kameraden задумчиво и печально. – Vielleicht sollten wir dich doch nicht aufhalten – du bist ja nun sowieso erledigt, dieses Schwein läge aber jetzt hier zu unserer allen Zufriedenheit geschlachtet und du wüsstest dann wenigstens, wofür du erschossen wirst!⁷

Отец понимал это точно так же, как и его Kameraden – в войсках ЭсЭс и особенно сейчас, когда война катится к поражению, напасть на своего командира – за это грозил в лучшем случае расстрел на месте даже без всякого трибунала.

---

³ Ложись

⁴ «Заткнуть пасти, вы русские, черноморские свиньи!»

⁵ «Спасибо, Kameraden».

⁶ «Не благодари нас раньше времени.»

⁷ «Может быть лучше было бы все же не удерживать тебя – ты-то теперь все-равно уже пропавший, зато эта свинья лежала бы тут сейчас к нашему общему удовлетворению заколотой, а ты знал бы, по крайней мере, за что будешь расстрелян.»

Но как раз эта строгость военных законов в конце войны и спасла Отца – существовал приказ Гитлера, обходиться со всеми немцами из других стран – так называемыми «фольксдойче» – которые были произведены недавно, в поспешном процессе присвоения гражданства, в новых имперских немцев – новых «рейхсдойче» – с тем же равным уважением, как и со старыми «рейхсдойчен».

Отец был бы без сомнения расстрелян, но рядом с ним был бы расстрелян и этот «равноправно и с равным уважением обходимый» и «должный равноправно и с равным уважением обходиться» толстый баварец. Тот знал это лучше Отца и не доложил о происшествии своим вышестоящим командирам.

Так близко на краю смерти не был Отец еще никогда до этого и лишь редко еще после того. Толстяк-баварец тоже извлек из этого свой урок – не был больше таким надменным и таким самодовольным и даже выказывал некое уважение по отношению к черноморским свиньям. Вскоре однако муштре наступил все-равно конец – американцы вступили в Баварию, и для Отца с его камерадами созрело время биться и умирать за Родину той самой баварской жирной свиньи.

Военные действия Отца или о его тщетных попытках спасти Германию

Начав на Юге против американцев, их часть боролась среди других соединений вермахта в становящемся все уже и уже коридоре между двумя быстро сближающимися с востока и с запада фронтами – в этой мышеловке, остававшейся еще к тому времени – после двенадцати лет своего существования – от тысячелетнего Третьего рейха. Лишь некоторые места боев их части: *Steinkirche* (около 50 км северо-восточнее Мюнхена), *Landau* (около 100 км от Мюнхена), *Lichtenau* и *Waldeck* (недалеко друг от друга между Эрфуртом и Герой), *Ortmannsdorf* (около Цвикау), *Brettin* (между Магдебургом и Потсдамом), *Löwenberg* (50 км севернее Берлина и *Goldberg* (50 км восточнее Шверина). Таким образом оттесняемые все дальше на север они должны были теперь вести бои против русских, начиная от Бреттина, где должно было сомкнуться кольцо окружения вокруг Берлина.

Тут они тоже ничего не смогли изменить в ходе мировой истории и маршировали с боями все дальше на север. Один из последних приказов становящегося все бешенее Фюрера касался и их. Согласно этому приказу все остатки вермахта и войск ЭсЭс должны были собираться на севере под команду генерала Венка и прорываться затем в направлении Берлина, с целью освобождения столицы и правительства рейха из советского окружения.

На этом пути и встретил Отец май 1945-го. Подземный военкомандующий и «преданный» своим, «разочаровавшим его» народом *Irreführer*⁸ распрощался, наконец-то, как с этим «недостойным его» народом, который он опорочил и выдал на веки вечные и при всех обстоятельствах мщению и расправе других народов, так и с немецкой землей, которую он в своем фанатизме завел в кромешный Ад и превратил в кучу щебня и в доведенную до совершенства руину. Слишком поздно для немецкого народа и для немецкой земли случился этот уход!

---

⁸ *Игра слов: irreführen – вводить в заблуждение и Irre – сумасшедший*

Теперь не только для Отца, который и без того только этому и обучался и только этим и занимался всю свою жизнь, но и для каждого местного немца дело дошло до того, чтобы самим заботиться о своей собственной жизни, о своей собственной судьбе и обо всех других собственных человеческих делах, что, собственно, и относится к нормальным человеческим обязанностям и примитивнейшим жизненным свободам каждого человека.

Относится к тем обязанностям, которые двенадцать лет назад были перепоручены «германцами» – при всей понятной унижительность для немцев Версальского договора и оскорбительной надменности по отношению к немцам союзников после не выигранной ими Первой мировой войны, все же, наверняка, по недосмотру, вероятно, в своей нивной надежде, что они смогут, наконец, все последующие тысячу лет жить беззаботно – этому Фюреру. Человеку, который никогда не был мужем⁹, никогда Отцом и – можно даже подумать – никогда сыном и, вообще, ничего разумного никогда в своей жизни не сотворил, чтобы перенять заботы у детей, матерей и отцов других людей.

*Прекращение войны или о том, какое направление Света
надежнее и почему учителя имеют грязные руки*

В первую очередь после этого перенятия ответственности Отец собственноручно прекратил войну, оставаясь верным и следуя данному им Матери слову. На марше он доложил офицеру о своих сбитых до кровавых мозолей ногах из-за плохо намотанных портянок, которые срочно необходимо было перемотать. Против этого нечего было возразить – обезноженный солдат на марше хуже, чем вообще никакого.

– Mach das und hol uns schnellstens ein!¹⁰ – приказал офицер.

– Jawohl, Herr Offizier!¹¹ – подтвердил благодарный Отец свою готовность немедленно следовать приказу.

Он опустился на обочину дороги, стянул свои сапоги и медленно перематывал портянки, пока его часть не исчезла за следующим взгорком. Тогда он оставил лежать тут же на обочине свое оружие и побежал в виднеющийся неподалеку лес.

Отец шел по лесу и натолкнулся на дом лесника. Он не должен был изворачиваться перед старым лесником и долго ему что-либо объяснять. Наваждение кончилось для каждого, и для каждого речь шла теперь о том, чтобы спастись самому и, по возможности, помочь в этом другому.

Он получил от лесника старый, немного тесноватый и коротковатый гражданский костюм и старые ботинки. Свою черную эсэсовскую униформу – леснику, несмотря на все качества материала, было боязно воспользоваться ею – Отец закопал под ближайшим деревом вместе со всеми своими бумагами, фотографиями и с каждой прочей мелочью, которая могла бы так или иначе помочь установить его прошлое и его личность. Он стал *Никем*, из *Ниоткуда* в некоем *Нигде* по имени *Бывшая* Германия.

Отец уже знал из переписки со своей сестрой как с согласованной еще с Матерью связной, что его семья вместе со всеми другими, оставшимися в

---

⁹ Гитлер заключил непосредственно лишь перед своим кончиной формальный брак с Евой Браун

¹⁰ «Делай это и быстро нагоняй нас.»

¹¹ «Так точно, господин офицер!»

Польше семьями беженцев находится на пути в Сибирь. Его план был настолько же прост, насколько опасен – пропустить мимо передовые военные части русских и потом идти на восток искать, как обещано, Семью, где бы она там только не могла быть. Главное дело – направление было predetermined.

Его камерады, семьи которых тоже остались в Польше и которые тоже знали об их депортации в Сибирь, выбрали противоположное направление, когда они вместе с Отцом обдумывали между собой их послевоенные планы. Восток был для них слишком щекотлив, и они хотели только одного – идти на запад к американцам.

В свои планы бегства Отец посвятил только двух своих друзей, которые тяжестью своих тел удержали его от убийства фельдфебеля и которым он доверял. Оба также выбрали запад и получили от Отца адрес его сестры – клочок бумаги, который должен был дать им там, на чужбине, хоть какое-то чувство дома и тепла.

Правы они были в любом случае: риск был стопроцентный, а шанс прорваться – в конце войны с их таким, для них как советских граждан вдвойне опасным по сравнению с другими эсэсовцами клеймом войск ЭсЭс под мышкой¹² – почти нулевой. Они уже слышали жуткие истории про охоту на эсэсовцев – причем у всех союзников – при которой все рослые военнопленные, независимо от их одежды, должны были раздеваться и держать их левые руки вверх.

Так как они чувствовали себя все же невиновными, не имели вот уж действительно ничего общего с совершенными ЭсЭс злодействами и представляли собой только добытое по нужде пушечное мясо, то они видели свое единственное спасение в том, чтобы получить на западе, по крайней мере, честный процесс, что у «родных» русских было бы немислимо. Отец соглашался с ними тоже, что шанс выжить был на западе больше, только для него речь шла не о шансах. Для него речь шла о Семье – о Матери и трех беззащитных детях.

Но чего они все тогда еще не слышали и не могли знать было то, что путь на запад для многих, таких как они, закончился тем не менее на востоке. Да к тому же еще после всех ужасов Рейнских лагерей военнопленных¹³. Американцы и англичане выдали русским их бывших советских сограждан, полностью осознавая, что они подвергнутся мести Сталина, и что эта выдача означает для тех, кого она коснулась, абсолютно верную смерть.

Прежде чем начать переучивание «деградированных» нацизмом и ставших «извращенными» немцев и преподать им потом уроки демократии, свободы и справедливости, надо было еще разгрести немного дерьма, совершить с русскими сделку и вытащить из советских лагерей собственных, захваченных русскими в немецких концлагерях пленных, даже если при этом и собственные освободительные руки могут стать запачканными дерьмом.

---

¹² Солдатам ЭсЭс делалась под мышкой левой руки татуировка с их группой крови, чтобы при ранениях быстрее оказать им помощь

¹³ В долине Рейна было обнесено колючей проволокой несколько гектаров лугов, куда тысячами сгонялись взятые в плен немецкие солдаты, которые были предоставлены самим себе безо всякого обеспечения. В этих лагерях доходило до людоедства, когда голодные военнопленные ели своих умерших от голода и болезней товарищей

Этого не хотели понимать выдаваемые как немецкие, так и русские советские граждане и не хотели с этим смириться. Так же как не хотели с этим смириться и русские казаки, которых англичане по-предательски разоружили и затем все же передали Советам. Преданные казаки сами собственноручно и массово убивали как самих себя, так и свои семьи, прежде чем остатки их борющейся в войне на стороне вермахта армии были затем в России массово уничтожены НКВД.

Случилось ли подобное с его однополчанами, не узнал Отец никогда. Его сестра писала ему позднее из Западной Германии, что они все же заглянули к ней по пути на запад. С тех пор она ничего больше о них не слышала. Она писала – просто так, между делом – о господах по имени таких-то и таких-то, как будто это были ее старые знакомые, а не однополчане Отца. Но Отец понял это послание, и это было последнее, что Отец через десятилетия узнал от своей сестры о своих друзьях.

То, что он узнал потом еще дополнительно, слушая через многие годы в Сибири передачи радиостанции «Немецкая волна» из Германии, только подтвердило дополнительно правильность его решения. Все те, кто были политически и исторически виноваты в этой войне, ее провоцировали, ее не предотвратили, ее развязали и вели, расквитывались теперь с солдатами, которых они из своих политических соображений и во славу мировой политики послали во взаимную бойню – расхлебывать, как всегда, дерьмо и кровь каждой неудачной политики. И это «расквитывание» приходило при этом со всех сторон.

Еще недавно все поголовно «извращенные», теперь однако переученные и в Западной Германии демократизированные американцами немцы предали – точно так же, как и их «переучиватели» предали тогда советских граждан – жалкие остатки своей еще оставшейся в живых солдатской элиты. Они практически лишили гражданства бывших эсэсовцев – этих их государством и Отечеством избранных, нацистски воспитанных, злоупотребленных, истребленных и уже один раз преданных мужчин –, отказавшись о них, в отличие от малорослых и не менее преступных солдат вермахта, заботиться и ничего не хотели о них как о «*persona non grata*»¹⁴ знать.

Ввиду этих последовавших позднее «выдач» и «лишений гражданства» оказалось кажущееся тогда почти сумасшедшим решение Отца все же единственно правильным и спасительным для него. Отец использовал свой мизерный шанс лучше, чем все его камерады, поскольку он снова отделился от масс и стад и не положился ни на немцев, ни на американцев, ни на британцев, ни на русских и даже ни на всемогущего, но к тому времени, похоже, отсутствующего Бога, а положился снова только на самого себя. И его план удался!

Каждый день лесник выезжал верхом на своем коне к дороге, с которой к нему завернул Отец, чтобы посмотреть, наступают ли русские. Когда он после двух таких разведывательных вылазок вернулся от дороги назад, то доложил Отцу, что мимо проходят русские фронтовые части с танками и орудиями. Отец подождал еще два дня в лесу и потом вышел на дорогу навстречу восходящему солнцу.

---

¹⁴ *лицо нежелательное (лат.)* – юридическое выражение для выдворяемых из страны лиц, например, иностранных дипломатов

Первое, что ему повстречалось был один вояка верхом на мерине с обмотками из портянок вместо сапог и в грязной, не по росту длинной солдатской шинели – «великий победитель» из тыловых служб.

– Есть Uhr? – приветствовал он Отца на своем грязном полурусском-полунемецком и показал на свое голое запястье.

– Не-е, нэма часов! – облегчил Отец своим чистым полурусским-полуукраинским иноязычные потуги победителя, показал ему свое теперь, после захоронения всех его богатств, такое же голое запястье и подумал про себя:

– Ну ты, похоже, еще тот вояка, если даже часов себе еще не добыл, в то время как твои товарищи таскают за собой и шлют домой уже целые обозы, битком набитые награбленным добром!

Разочарованный прежде всего услышанным им от Отца собственным, родным языком всадник полностью потерял интерес к личности Отца. Как раз на это надеялся и это запланировал Отец для своего похода на восток, когда пропустил мимо себя в лесу фронтовые войска русских. Он сам нес за плечами только тощий вещмешок. Там, внутри, лежали кусок хлеба и три прекрасно размалеванные и не представляющие абсолютно никакой ценности жестяные коробки с надписями по-немецки, которые можно было найти здесь на любой куче мусора или щепня.

В одной из коробок лежали его бритвенные принадлежности, в двух других пара ничего не стоящих сувениров, пара пфеннигов и рейхсмарок. Больше совершенно ничего – некий безликий, длинный субъект в смешном, слишком коротком, тесном и поношенном костюмчике и в разношенных башмаках – один из миллионов бродяжничающих в этот «Час Нуль» по Европе людей всех национальностей и мастей.

Служба на другой стороне или о том, как стать реально существующим человеком

Отец пошел дадыше, показывал при следующих встречах сразу свое голое, без часов запястье и спрашивал при случае о том, в каком месте находится ближайший русский комендант. Он нашел его к вечеру в одном маленьком и полностью разрушенном немецком городке, доложил у него и рассказал ему свою давно подготовленную, много раз повторенную и вызубренную наизусть легенду.

Легенда состояла из правдивых и легко проверяемых данных, а также из маленьких, некоторые из этих данных связывающих, а кое-что перепрыгивающих и сглаживающих выдумок между ними, которые при царящих обстоятельствах были совершенно непроверяемы, и звучала примерно так:

– Я жил со своей семьей в Сталино и работал каменщиком, одно время даже на строительстве военного завода, когда пришли фашистские оккупанты. При них я должен был работать каменщиком дальше. При ихнем отступлении в 1943 году они вывезли меня насильно в Германию. Здесь я был опять же как каменщик на принудительных работах в одном местечке тут неподалеку. Моя жена осталась там, на той стороне, с двумя детьми, и я бы сейчас очень хотел назад к своей семье. С этим намерением я сбежал ночью в лес, когда приблизился фронт, спрятался там и ждал моего освобождения нашими славными советскими войсками. И теперь вот стою перед товарищем

комендантом и прошу его с глубоким уважением помочь мне вернуться к моей семье.

Не такой уж старый и не имеющий ничего общего с НКВД боевой офицер, которому теперь, вдруг, было приказано его командованием налаживать здесь гражданскую жизнь для своих солдат прежде всего, но также и для немецкого населения, и который не имел ни малейшего представления, как же это можно сделать в этих руинах, понял из всей этой болтовни только одно, а именно то, что Отец от него и хотел: Господь Бог послал ему в руки одного до крайности необходимого, профессионального каменщика, чтобы облегчить его злую гражданскую судьбу.

– Ты что же хочешь лучшей участи, чем я сам, а? – начал он строго, скрывая при этом свою радость. – Выбей для начала себе эту мысль о доме из головы. Все мы уже годами не видели наши семьи и все хотим домой к ним. Так что ты остаешься тут и будешь день и ночь строить то, что я тебе прикажу строить. Ясно? Найди себе тут, недалеко от комендатуры, какой-нибудь угол для ночлега. Питание с солдатами. Завтра же начнешь с восстановления печей в местной разрушенной пекарне, чтоб я всех тут хотя бы хлебом мог обеспечить. Сможешь?

– Как-то приходилось уже делать, – коротко пробурчал сделавший печальное лицо и внутренне ликующий Отец, покидая товарища коменданта.

Это превосходило все его довольно скромные надежды и ожидания. Его личный план «дранг нах остен» работал. Его шанс выжить неожиданно быстро возрос гораздо выше исходного нуля. Вместе с тем он хорошо понимал, что это еще не все и еще долго ничто не миновало.

Это и были как раз те фронтовые условия с их неразберихой, с временной, на скорую руку обустроенной солдатской жизнью, которые он и сам знал и на которые рассчитывал. Как только положение успокоится и стабилизируется придут профессиональные допросчики и палачи из НКВД. Тогда это станет серьезно. Но для начала он стал легальным и получил передышку с помощью этого рабочего места.

Его легенда было почти неопровержима. Тем не менее, Отец проверял ее мысленно снова и снова:

– Те, другие, будут все, что они могут, проверять. И все будет точно совпадать – мой адрес, мой работодатель перед войной в Сталино. Во всем другом они должны мне верить. Или нет!

Он радовался теперь особенно своему, больше инстинктивному решению весной 1942-го не возвращаться назад на свой хутор, а взять нейтральный кусок земли довольно далеко от хутора Отца. Некоторые все же предъявили свои претензии на возврат их земли и даже проводили там их мстительные операции.

– Прежде всего там будут выискиваться и выпрашиваться свидетели, возвращались ли старые хозяева назад. Возможно они уже провели эти опросы при освобождении Украины, и в их актах уже лежат поименные списки. Так что эта месть нанесет теперь снова ответный удар, как она это делала еще всегда в своем дьявольском круговороте.

– Про меня, однако, они получают подтверждение, что я даже близко не появлялся около своего хутора, а здесь, в разрушенной Германии, они тоже не

найдут совершенно ничего. Что моя семья была здесь и депортирована ими в Сибирь они, конечно, раскопают. Но я же не мог об этом ничего знать, про третьего ребенка тоже ничего, поэтому и 1943-й год. Я же как рабсила был гораздо раньше угнан в Германию и знал только, что моя семья осталась там.

– Решающим будет все же то, что у них и времени-то столько для меня не будет. Я уже был как немец приговорен Сталиным в его Указе от августа 1941-го к депортации в Сибирь и, если они дополнительно к моей нации никаких другихотягающих обстоятельств и чего-то специфического из военного времени не найдут, то они и будут действовать согласно этому Указу. Это уж само по себе достаточно плохо и хуже этого – конечно же, если они мне все же ничего другого не смогут доказать – не может быть.

Эти размышления охватывали его каждую свободную минуту и прежде всего вечером. И вопреки всем логическим и разумным предсказаниям и выводам, к которым он приходил, оставалась полная неизвестность, которая его терзала и заставляла почти лопатся его голову – жестокость и непредсказуемость палачей НКВД было не охватить и не предсказать никакой логикой и никаким разумом.

Два месяца работал Отец в военном хозяйстве русского коменданта, который был им очень доволен. Когда пришло то оговоренное время фильтрации, комендант удостоверил в справке, что гражданин такой-то, с такого-то по такое-то был занят как каменщик в военном хозяйстве его части и увольняется с лучшими рекомендациями в связи с мероприятиями по репатриации. Подписано – майор такой-то – и заверено печатью – все, как положено.

Это был первый документ в новой жизни Отца. Он больше не был неким *Никем*, а обладал подтвержденным в справке и заверенным печатью именем, мог себя таким образом удостоверить и даже доказать свои заслуги перед Советской армией. Это было вовсе не так уж мало.

Фильтрация и репатриация или о том, чего стоит время войны

Проводимая в рамках репатриации людьми из НКВД фильтрация не означала ничего другого, как расследование совершенных советскими гражданами здесь, в Третьем рейхе, преступлений и установление соответствующей ему меры наказания. Невинных не было при этом априори. Какое-либо преступление было наперед предопределено каждому, кто находился тут в то время, когда его Отечество билось на войне и истекало кровью.

Те фильтрованные преступники, чей вынесенный в коротких процессах приговор не был приводимым в исполнение тут же, на месте, смертным приговором, считались репатрированными, что опять же означало многолетние принудительные работы в лагерях на их родине. Хуже всего это коснулось собственных советских военнопленных. Минимальное наказание за то, что они забыли при взятии их в плен застрелиться, как приказывал им Сталин, была многолетняя рабская работа в рудниках под землей или на лесоповале в сибирских лесах.

Для Отца все вышло так, как он предвидел. Не сумев доказать ему что-либо дополнительное, они приговорили его к принудительным лагерным работам с заключительным принудительным поселением под комендантский надзор в

одно из существующих уже с 1941-го года немецких спецпоселений за Уралом. В связи с этим он получил дальнейшие справки с официальными печатями и важными пометками «фильтрирован» и «репатриирован».

Им никогда не пришло в голову, глянуть на подмышку его левой руки. Тогда бы ему был конец. Его спасло то, как уже сказано не раз, что он сейчас – как и в августе 1941-го и в мае 1945-го – шел снова в одиночку, а не с массами, что он был схвачен не вблизи фронта в своей эсэсовской униформе, а заявился добровольно, довольно далеко от линии фронта, да еще и оказал при этом услуги Советской армии, не причинив этой армии никакого диверсионного ущерба.

К тому же еще его смешные обноски и его обезоруживающий русский с неким больше украинским, чем немецким акцентом. Ко всему этому наверняка играл немалую роль актерский и бывший всегда еще в его жизни полезным дар Отца, так хорошо представляться простаком, что никому не пришло бы и в голову, подозревать у такого какие-то задние мысли или секреты. Отец и другие репатрианты были, как принято, битком набиты в скотские железно-дорожные вагоны и заперты.

Скотский поезд, грохоча и пыхтя, отправился на восток.

*Заключение или об относительности концлагерей и
человеческих границ выносливости*

Место назначения было неизвестно. Путешествие со многими промежуточными остановками, с голодом, холодом, болезнями и опять же со многими умершими в пути длилось до поздней осени. Снаружи как-то враз все побелело и становилось все холоднее. Голодающие и мерзнущие люди мерзли как мухи осенью. На следующей остановке их трупы на скорую руку закапывались самими заключенными прямо тут же невдалеке от путей.

В конце октября поезд прибыл на Урал в город Молотов¹⁵. Ледяной ветер и мороз доканывали изможденных высаживающихся. Отец был все еще одет в свой действительно заношенный уже до лохмотьев короткий костюм от лесника, но снизу он обмотал свое тело старой бумагой, которой он еще до отъезда предусмотрительно набил свой тощий вещмешок – его, основанное на знании теплоизолирующих свойств бумаги изобретение, которое и позже всегда пригождалось ему и не раз спасало ему жизнь. Дальше шли пешим маршем.

Поезд стоял в тупике далеко от вокзала. Тут же они были согнаны в одну колонну и поползли вперед, сопровождаемые с обеих сторон вооруженными красноармейцами. За городом путь – какая-то полностью заснеженная проселочная дорога – вел в лес. В лесу было не так ветрено и поэтому казалось, что стало теплее.

Движение тоже согревало заключенных. Только это движение стоило драгоценной и почти не оставшейся энергии, а энергия стоила жизни. Время от времени в конце колонны слышались короткие, сухие выстрелы – еще один обессилевший упал в снег и получил от охраны избавление. Только к вечеру, уже в темноте, колонна достигла окруженного колючей проволокой концлагеря со сторожевыми вышками на каждом углу – их конечной цели.

---

¹⁵ сегодняшняя Пермь

Отцу удалось снова, хоть и обессиленным, но все еще живым достичь свою следующую жизненную станцию. Еще один повод быть благодарным больше себе самому, чем кому-либо другому или даже самой судьбе. В Бога он уже давно не верил, с тех пор как его глубоко евангелический Отец умер в Пришибе и он, совсем малый и тоже евангелический ребенок, должен был идти из отцовского дома в безбожный мир.

Вначале он еще тянулся к Богу и пытался понять возложенную на него Божью кару. Но эта кара становилась для его маленьких детских грехов все больше, все тяжелее и все непонятнее, пока он не перестал оправдывать Бога и пытаться понять его неисповедимые пути.

Он один был уполномочен отвечать за свою судьбу и за свою жизнь. Он только горько усмеялся, когда должен был опоясаться ремнем с надписью «*Gott mit uns!*»¹⁶. Большинство украшенных этими ремнями однополчан пошли на убой и наверняка попали с их верой в Бога и с *Его* помощью в Рай под *Его* охрану. Отец предпочел *этот* грязный земной ад и *эту* грязную человеческую охрану.

Он не радовался, он только думал, достиг ли он теперь и здесь, охраняемый малорослыми, обношенными, из каких бы то ни было соображений непригодными или не допущенными к военной службе красноармейцами, среди которых большинство – эта всякий раз проникающая во всё свершающееся черная ирония судьбы – были советскими евреями, апогея этого ада. И все же жизнь – с Богом или без него – слишком иронична и слишком хороша своими неожиданностями, чтобы обменять ее на Рай с Богом. В конечном итоге человек и не может познать цену настоящего Рая, не пройдя хотя бы раз через настоящий Ад.

Уже много раз в своей жизни Отец думал:

– Ну если я это переживу, то со мной уже ничего больше не может случиться.

Он недооценивал способность возрастания сравнительной степени дьявольских ударов судьбы. Хуже могло быть еще всегда. Теперь он знал, что по-настоящему настоящего Ада он до этого еще не пережил. Заключенные валили деревья в лесу. Из инструментов у них были только двуручные пилы и топоры. Поваленные стволы деревьев они стаскивали на веревках на берег реки и складывали там в штабеля. Весной, когда река после ледохода освобождалась ото льда, бревна спускались в воду и сплавлялись к железной дороге.

Осенью стоящие по пояс в ледяной воде и вооруженные баграми заключенные должны были разбирать заторы в реке, стягивать снова в воду вынесенные на излучинах реки на берег бревна и сплавлять их дальше.

К этой отобранной из сильнейших и еще более или менее здоровых мужиков «спецчасти» принадлежал также Отец. Через две недели они были конченными людьми. Изморенное голодом, холодом и мокротой тело Отца начало опухать и синеть. Это еще два дня назад похожее на скелет тело превратилось в водяной баллон со слоновыми ногами.

– Это конец..., – думал уже почти без всяких человеческих чувств Отец.

---

¹⁶ «С нами Бог!» - надпись на пряжках ремней немецких солдат

Его организм, однако, все еще не был готов сдаться и цеплялся за жизнь с каким-то превосходящим все человеческие способности выживания упрямством. Эта сопротивляемость убедила даже лагерное начальство, и Отец был помещен в лазарет. Пара дней отдыха и чуть лучшая жратва свершили чудо и доделали остальное. Опухоль исчезла, и немного силы возвратилось назад. Через две недели он был выписан из лазарета и снова поставлен на бычью работу.

Снова на манер: «Если я уж это пережил...» – усиленная воля справилась все же с тем, чтобы выстоять лагерь до конца. Отец потерял лишь кучу волос, почти все зубы и до конца своей жизни мог мочиться только с муками и болью.

В конце они определили Отцу место ссылки и были при этом еще даже великодушны – Сибирь же достаточно велика и почти вся равномерно чужда нормальной человеческой жизни, поэтому исполнителям приговора было, в конечном итоге, все равно, куда с Отцом, и они спросили его, есть ли у него какие-либо особые желания или знает ли он какие-либо предпочитаемые им в Сибири места.

Одно он неожиданным для них образом знал и даже предпочитал, а именно – то, вблизи Новосибирска, где, ожидая его уже более двух лет, загибалась в таком спецпоселении его семья. Его длящаяся более трех лет военная одиссея шла, наконец, к концу, и Отец стоял, благодаря своему почти неожиданно удавшемуся плану, непосредственно перед тем, чтобы снова увидеть Семью.

Его желание учли, и поздним летом или по сибирским отношениям уже ранней зимой 1947-го возвратился он – как и обещал – «домой», назад к Семье.

*